

Мои первые месячные прошли без той боли и недомогания, что я себе представляла. Напротив, кровь сочилась неспешно, словно упорядоченно унося с собой моё детство. Однако во дворце все встретили это событие с чрезмерной тревогой. Матушка прислала нескольких старших служанок дежурить в моих покоях. Придворные повара завели для меня отдельную кухню и ежедневно готовили лечебные отвары. Из Чертога Чжэньгуань и Восточного дворца каждый день навещали с расспросами, а Дворцовое управление через день отправляло женщин-чиновниц осведомиться о моём самочувствии... Меня же держали во внутренних покоях, где Вэй Хуань и Сун Фою по очереди присматривали за мной с прислугой. Кроме редких кратких прогулок по двору, мне не разрешали ничего.

Больше всего мне нравилось, когда дежурила Вэй Хуань. В последние дни она была со мной необычайно мягка. А даже если и не была, стоило мне лишь понуть, прижимая руку к животу, как она тут же становилась ласковой, терпеливо массируя мне живот, приносила и пила горячим бульоном. По ночам, когда она сидела у моей постели, я любила тайком приподниматься и смотреть на неё. Но всякий раз, будь она изнеможённо дремлющей или погружённой в чтение от скуки, малейшее моё движение мгновенно привлекало её внимание. Приходилось смотреть открыто. Порой, если днём высыпалась слишком хорошо, я читала вместе с ней при свете лампы. Только тогда я узнала, что лампы в покоях зажигали лишь когда я бодрствовала. Когда же я спала, Вэй Хуань читала при тусклом свете маленькой масляной лампы в углу. Неудивительно, что в последние дни она казалась ещё более уставшей, чем обычно, постоянно щурилась, будто не могла как следует раскрыть глаза. Боясь, как бы у неё не испортилось зрение, я, даже если очень хотелось спать, специально вставала ночью по два-три раза, чтобы проверить. Если она читала, я притворялась, что не могу уснуть, приказывала зажечь все свечи в покоях, чтобы стало светло как днём, и затем читала вместе с Вэй Хуань в этом ярком свете, пока наконец не засыпала под шелест её пальцев, перебирающих свиток.

Помимо Вэй Хуань, меня также навещали по очереди Сун Фою и служанки, присланные матушкой. Они мне не нравились. Не то чтобы с ними что-то было не так, но их приход означал, что Вэй Хуань не сможет прийти. Это меня огорчало, и я старалась в их присутствии отсыпаться, чтобы потом, когда придёт Вэй Хуань, быть бодрой и проводить с ней больше времени.

Так прошло десять полных дней. Лишь после того, как несколько старых служанок, присланных матушкой, лично удостоверились, что мои первые месячные полностью завершились, мне разрешили свободно выходить. Однако, по словам Сун Фою, мне надлежало сначала навестить матушку, а затем супругу наследного принца — таков был негласный небольшой ритуал. Глядя на её серьёзное лицо, я не могла отказаться и лишь позвала служанок помочь одеться.

Вэй Хуань выбрала для меня ярко-алый наряд: платье и верхнюю одежду, расшитые парящим фениксом, с пышными вышитыми цветами по подолу. Я слегка опешила от такой яркости и нерешительно сказала: «Разве это подходит для встречи с матушкой?»

Вэй Хуань ответила: «Это платье лично доставила госпожа Туаньэр по велению Её Величества. Вам следует его надеть».

Услышав, что такова воля матушки, я нехотя подчинилась. Когда же я полностью оделась и взглянула в зеркало, то снова удивилась: «Почему вырез такой глубокий?» Помимо цвета, этот наряд кардинально отличался от того, что я носила раньше, и главное отличие заключалось именно в вырезе — он был непривычно низким. Даже когда всё было застёгнуто, обнажалась значительная часть ниже ключиц. К тому же ткань была полупрозрачной, и сквозь неё угадывались очертания плеч и рук. Даже в моей прежней, куда более открытой жизни, я

никогда не одевалась так откровенно. И что ещё смущало: хотя месячные у меня уже начались, моя грудь оставалась плоской, как и моё прозвище. Из-под алой полупрозрачной ткани просвечивала отнюдь не соблазнительная округлость, а ровная, как степь, поверхность. С досадой я уставилась на своё отражение, а затем с завистью посмотрела на Вэй Хуань. Пусть она была одета в простую зелёную блузу, закрывающую ключицы, скромную, как у прачки из Дворца Етин, под тканью уже скрывалось нечто, в отличие от меня, чьи украшения лишь подчёркивали пустоту.

Я фыркнула и недовольно отмахнулась рукавом: «Некрасиво. Давайте другое».

Вэй Хуань удивлённо взглянула на меня. Она как раз поправляла мне подол, но вдруг задумалась, и лишь мой голос вернул её к действительности. Она вздрогнула, словно испугавшись, легонько хлопнула себя по груди и спросила с недоумением: «Госпожа Сун и другие служанки находят этот наряд прекрасным. Почему же вам он не нравится?»

Я недовольно потянула за вырез: «Слишком низко».

Вэй Хуань улыбнулась: «Разве все великие и старшие принцессы не носят такую одежду? Даже супруга наследного принца, когда не в парадном облачении, одевается подобным образом. Это самый последний фасон, и лёгкий, и изящный. Такое доступно лишь вам, а нам, простым служанкам, о таком и мечтать не приходится».

Меня осенила мысль. Я подняла на неё глаза и застенчиво спросила: «То есть... тебе тоже нравится?»

Вэй Хуань мгновенно опустила голову. Я заметила, как покраснела её шея, но голос её прозвучал ровно: «Вы прекрасны собой, и вам идёт любая одежда».

Скорее всего, это были просто лестные слова, чтобы меня утешить, но даже они заставили моё сердце сладко сжаться. Однако, вспомнив свой недавний сон, я смутилась и, покраснев, тихо проговорила: «Не пойми неправильно, мне не обязательно, чтобы ты находила это красивым. Просто... одной мне носить такое неловко. Если тебе тоже нравится, я... я прикажу сшить несколько таких же комплектов для тебя и... и для госпожи Сун. Тогда мы все вместе будем так одеваться, и это будет хорошо».

Сун Фою рядом тихо кашлянула и сказала: «При дворе существуют установленные правила. Одежда госпожи и наша одежда несопоставимы».

Я с раздражением взглянула на неё, но не могла с ней не согласиться, и пробормотала: «Госпожа Сун совершенно права, я была неосторожна в словах». Я изо всех сил попыталась прикрыть вырез, прикрыла грудь рукой и вышла. На прощание я оглянулась на Вэй Хуань и увидела, что обычно сдержанная и почтительная девушка, не дожидаясь, пока я выйду за дверь, уже выпрямилась и смотрела на меня. Заметив мой взгляд, она испугалась, поспешно опустила голову и почтительно произнесла: «Провожая госпожу».

Внутри меня шевельнулось недоумение. Я села в паланкин и отправилась в Чертог Чжэньгуань. Всю дорогу я размышляла о выражении лица Вэй Хуань, пытаюсь вспомнить, не обидела ли я её в последнее время. Ведь в последние дни она была необычайно мягка. Может, она просто терпела, заботясь о моём здоровье, а теперь, когда я поправилась, собирается предъявить счёт? Если так, то дело плохо. Она из тех, кто не показывает своих чувств, по природе сдержанна и упряма. Если уж затаит обиду, то, пожалуй, не забудет её никогда.

Погружённая в размышления, я не заметила, как паланкин прибыл на место. Служанкам

пришлось окликнуть меня несколько раз, прежде чем я очнулась. Подняв голову, я увидела наследного принца и его супругу, стоящих рядом на ступенях. Испугавшись, я поспешила выйти из паланкина и сделать поклон. Наследный принц, до этого выглядевший озабоченным, увидев меня, слегка улыбнулся, но, взглянув на мой наряд, слегка нахмурился. Супруга наследного принца, госпожа Пэй, с улыбкой помогла мне подняться: «Эрнян, не стоит церемониться. Мы услышали, что тебе лучше, и, зная, что ты наверняка придешь навестить матушку, тоже решили повидаться с тобой. Не виделись всего несколько дней, а ты уже так похорошела».

Мы были с ней незнакомы, поэтому я лишь вежливо улыбнулась в ответ и последовала за ними внутрь. Отец и матушка всё ещё находились в переднем зале, принимая министров. Обычно в таких случаях они всегда звали наследного принца присутствовать при аудиенции, но на этот раз дождались, пока все уйдут, и лишь затем позвали нас троих вперёд. Отец, как обычно, хотел погладить меня по голове, но протянутая рука замерла в воздухе, и он лишь кивнул мне с улыбкой. Затем он взглянул на наследного принца, и лицо его стало серьёзным: «Сюй Цзинцзуну посмертно пожаловали титул "Гун". Дай Чжидэ и другие осмелились необоснованно обсуждать высших сановников, и я уже издал указ о строгом выговоре. Ты и в обычное время слишком мягок с ними. Наследный принц, а позволил им взять над собой верх».

Наследный принц опустил голову, словно собираясь что-то возразить, но матушка взяла отца за руку и сказала: «Сыцзы здесь, Эрлан. Извинись перед отцом, и на этом дело закончится. Между родными отцом и сыном не должно быть обид».

Слова наследного принца застряли в горле. Он склонился в глубоком поклоне, почти касаясь лбом пола, и тихо произнёс: «Ваш слуга признаёт свою вину». Я увидела, как супруга наследного принца беспокойно пошевелилась, словно собираясь встать на колени, но Туаньэр поспешила её удержать, с лёгкой улыбкой сказав: «Говорят, первые месяцы самые важные, нельзя утруждаться. Супруга наследного принца, пожалуйста, не вставайте». Затем она с улыбкой обратилась к Ваньэр, которая незаметно появилась рядом: «Сестрица Вань, разве не так?»

Ваньэр бесстрастно ответила: «Госпожа Туаньэр предана и почтительна к государю, её слова и деяния всегда соответствуют воле Её Величества. Естественно, она не может ошибаться».

Я посмотрела на Ваньэр, затем на Туаньэр, потом на супругу наследного принца и молча отпустила её руку. В несколько шагов я взобралась на возвышение с тронном и прижалась к матушке. Та привычно обняла меня, по-прежнему поглаживая мою голову и шею, и лишь улыбалась, ничего не говоря.